

СЛОВО В КОНЦЕПЦИИ С.Н. БУЛГАКОВА

В середине XIX века в России возникает своеобразное умственное течение, которое получило название «русского космизма». Сущность и особенности этого течения состоят в том, что, по словам исследователей, в нем ставятся "проблемы о космосе и человеке", а также в том, что эти проблемы рассматриваются с учетом взаимовлияния космоса и человека, «Русский космизм» образует единое философское, естественнонаучное и культурное поле в виде «космического» мировоззрения. «Слово о полку Игореве», исследованию которого посвятил значительную часть своей научной деятельности М.Г. Булахов, бесспорно, принадлежит к культурному полю русского космизма.

Русский космизм как определенное мировоззренческое течение в русской науке, философии, религии и культуре во многом предвосхитил идеи современной науки. Особо в русском космизме выделяется направление, связанное с философией имени, в котором имени придается космический статус. Имя, язык, слово рассматриваются в русском космизме в максимально широком контексте – Бог, человек, мир. Виднейшим представителем этого направления в русском космизме является С.Н. Булгаков.

Философия имени С.Н. Булгакова базируется на спорах об имяславии, которые послужили для него одним из источников в изложении своих взглядов на слово. Сама же философия слова для мыслителя имеет целью «привести к правильной и отчетливой постановке великого и страшного вопроса, с неодолимой силой выдвинувшегося в православном богословствовании: об Имени Божиим, Его священной тайне». Вопрос этот С.Н. Булгаков разделяет на две части: 1) имя Божие есть имя, которому свойственны все общие признаки имени; 2) имени Бога присущи единственные и исключительные черты, которые связаны с его богоносностью [1, с. 146].

В работе «Философия имени» С.Н. Булгаков начинает рассмотрение этого вопроса с первой части – с построения философской теории слова, чтобы затем

применить ее к имени Бога. Эта часть вопроса являлась для него важнейшей, она подспудно стояла и за особенностями булгаковской концепции слова вообще.

“Что такое слово?” – задается вопросом, имеющим вековую историю, С.Н. Булгаков. Для него этот вопрос не вмещается в науку о словах как таковую. Лингвистика изучает только конкретные, облеченные в плоть и кровь слова, в связи со всем богатейшим содержанием слова в сравнительно узких пределах науки о языке. Вопросы, связанные с онтологической сущностью слова, остаются при этом вне рассмотрения. Здесь же нужна «интуиция слова, узрение его в непосредственном бытии, в его идее». Необходимо выделить и установить то, что «о нем само собой разумеется, составляет его аксиому». Такой аксиомой для С.Н. Булгакова является мысль, которую он варьирует, сохраняя ее суть, что слово принадлежит сразу двум мирам – космосу и человеку [1, с. 13 – 14].

Слово – это «самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание», афористично утверждает философ. «Слово космично в своем естестве», поскольку принадлежит «не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию», развивает свою мысль С.Н. Булгаков. Человек является мировой ареной, микрокосмом, в нем и через него звучит мир, поэтому «слово антропокосмично». Язык для того и дан человеку, что в нем и через него говорит вся вселенная, «он есть логос вселенной». Поэтому всякое слово – это не только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то. Человек в выборе слова понуждается онтологической необходимостью, он волен сказать или не сказать слова, вызвав или не вызвав тем самым идею, но, раз она вызвана к сознанию, он уже не властен ее изменить, а может только исказить ее в осуществлении. Вещи сами свидетельствуют о себе в словах, пробуждают через них свои соответственные идеи. Слова содержат энергию мира, действия мира в нас. Словотворчество только по форме существования кажется процессом субъективным, индивидуальным, психологическим, на самом же деле он космичен. Когда человек говорит, то слово принадлежит ему как микрокосму и как макрокосму, как интегральной части мира. Слово есть удивительное соединение космического слова

самых вещей и человеческого о них слова, притом таким образом, что то и другое сращены в единое целое [1, с. 19 – 27]. Таковы основные положения концепции С.Н. Булгакова об онтологической сущности слова.

Развивая их, он вслед за П.А. Флоренским, говорит о символической природе слова. Природа слова символична, слова суть символы. В символе происходит сращение идеального и материального, космического и элементарного, символы носители силы, конденсаторы и приемники мировой энергии. Освобождаемая из космического бытия мысль, его идея тут же облекается в слова, в иероглиф мира, его словесный микрокосм, ведя в нем свое дальнейшее существование. Слова являются живыми и действенными символами вещей, в каком-то смысле – даже самими вещами как их смыслами [1, с. 28].

Но как происходит рождение звуковых символов смысла? В этом вопросе С.Н. Булгакову видится изначальная тайна слова. Пытаясь понять ее, он приходит к выводу, что слова рождают сами себя, идея сама сращивается со звуковым символом, и таким образом смысл воплощается в звуки. Звуки создают для себя органы в человеке, чтобы вписать в нем все мироздание. Иными словами, космичность, символическое значение с тем именно и связаны, что слова не изобретаются, но возникают как силы природы, которые себя проявляют или осуществляют. То, что мы постоянно создаем слова, и что наша речь, как и история языка, есть непрерывное словотворчество, не опровергает того факта, что в каждом языке существует некоторая первичная данность определенного количества первых слов, или корней. И вот эти-то первые слова суть живые словесные мифы о космосе. Они сами себя создали, в них закрепляются космические события, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, космическая радуга смыслов, словесная символика. Миф не создается и не измышляется, он дается, и на основе его дальнейшей логической переработки создаются наши новые представления и понятия [1, с. 30 – 32].

Чтобы рельефнее выразить мысль о том, в каком смысле слова сами себя рождают, С.Н. Булгаков сопоставляет ее с имеющимися теориями происхождения языка. Он справедливо отмечает, что эти теории лишь указывают частные

причины естественного, эволюционного развития и возникновения языка и не отвечают на вопрос, как появляется слово из не-слова, или как появляется первое слово. Но верно ли его воззрение, что первослова суть космические символы или мифы, сами себя возвещающие? В ответе на этот вопрос особую остроту получает проблема многоязычия. Почему один и тот же единый смысл получает различное звуковое воплощение? С.Н. Булгаков предполагает, что есть такая преломляющая среда, которая множит звуковую отдачу единого смысла. На смысловую сторону слова это «вавилонское смешение» языков не распространяется. Многоязычие не отменяет единства внутреннего языка, оно относится «не к внутреннему языку, не к ноумену его, но к его феноменальному воплощению, к его реализации, индивидуальности». Язык в этом смысле есть явление социально-историческое. Основа же языка остается космической, или антропологической, а его реализация в наречии есть дело социально-исторического творчества [1, с. 33 – 37].

Однако такое толкование не даст положительного ответа на вопрос, как все-таки понять множественности языков, если сращение идеи со смыслом есть необходимое условие для возникновения слова как символа. И здесь С.Н. Булгаков интуитивно прозревает в самом общем плане ответ на этот вопрос: постулирует наличие некоторого мета-слова, его ноумена, который выявляется в звуковой оболочке. Эти звуковые оболочки в своей совокупности и образуют язык, его организм так, что и в каждом отдельном слове проявляется весь язык. Сами языки суть как бы различно настроенные резонаторы, которые по-разному вибрируют на волны мета-слова. «Определить, уловить это различие, – отмечает С.Н. Булгаков, – трудность неимоверная; мы сейчас не умеем даже к этому подойти, однако непосредственное чувство свидетельствует, что это различие есть, и радуга языков, представляющая собой разложение белого луча, естественного языка, подлинного языка мира, для каждого языка имеет в своем спектре луч определенной окраски и значения. Все языки естественны, связаны с языком вещей, но каждый по-своему и в разном» [1, с. 37].

В чем С.Н. Булгаков видит различие между словом и именем? По сути, справедливо полагает он, всякое слово есть имя. Процесс познания есть именование, в котором идея, срастаясь с субъектом, дает имя. В зависимости от характера сращения – тесное и постоянное или же временное и преходящее – мы различаем собственные и нарицательные имена. Граница между этими именами подвижна. Для С.Н. Булгакова вопрос об отличии собственных и нарицательных имен имеет первостепенное значение для философии имени. Признавая бесспорным факт, что всякое имя в своем возникновении есть слово, он подчеркивает индивидуальность, единичность имени собственного. Имя собственное «есть сила, корень индивидуального бытия, по отношению к которому носителем, землею или почвой является, именуемый, и для него именование имеет поэтому фатальный, определяющий характер» Имя есть идея человека [1, с. 130].

«Собственность собственного имени» для мыслителя заключается не в особой природе самого имени, здесь оно соответствует слову, а в более «крепком клее связки» с именуемым. Имя – это сила, семя, энергия, которые формируют, изнутри определяют своего носителя. Имя выражает собой духовный тип, строение, разновидность человека, выступает своеобразной естественной классификацией человеческого рода, который по именам распадается на семейства и группы. Как идея имя осуществляется во многих феноменальных экземплярах [1, с. 130 – 131]. Оставляя в стороне рассуждения С.Н. Булгакова о свободе и необходимости, случайности и произвольности в выборе личных имен, переименовании, псевдонимности, обратимся к противоречию, с которым он неизбежно должен был столкнуться: единичность имени и множественность личностей, обозначаемых одним и тем же именем.

Это противоречие философ пытается разрешить следующим образом. Имя есть индивидуально-реальное в человеке, но вместе с тем оно идеально, всеобщее в отношении ко всему ему причастному. Характер отношения между именем и его носителем есть только причастность, природная основа, на которую падает имя. Поэтому абсолютных соответствий имени и носителя, адекват-

ватности имени и «материи» именуемого, нет и быть не может. Человек облекается в имя, подобно тому, как он облекается в плоть. Данное человеку имя становится как бы идеальной плотью, образом воплощения определенного духа, который обречен устраиваться в этом имени, жить в нем, развивать его тему. Имя есть выражение бытийной субстанции человека, это идея, ставшая реальностью, точка в космосе [1, с. 138].

Одним из аргументов в пользу сочетания в имени единичности и множественности является развиваемое С.Н. Булгаковым положение о свободе и необходимости в выборе имен. Здесь он утверждает связь выбора имени человека с традициями его рода, отражение в индивидуальном имени родовых и общественных закономерностей. Каждый человек есть одновременно индивид и вид, свобода и закономерность, само именование человека поддается статистическим закономерностям [1, с. 136 – 137].

С.Н. Булгаков сближает именование с воплощением библейского Слова, с боговоплощением. В софийном порядке человек – это воплощенное слово, осуществленное имя, поскольку сам Господь есть воплощенное Слово и Имя. Имена человеческие вечны – «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» [1, с. 144 – 145].

В имяславских и имяборческих спорах о сущности имени Божьего С.Н. Булгаков оказывается на стороне имяславцев. Он признает за божественными именами статус божественных энергий, которые проявляют себя в человеке через именование. Тем самым Бог, открываясь в мире через человека, именуется, хотя и его устами. Именование есть действие Божие в человеке, проявление энергии Божьей. Эта божественная энергия, воплощенная в имени, имеет объективную, онтологическую основу в образе и подобии Божию в человеке. Действуя в человеке, энергия имени Бога соединяется с человеческой, воплощается в ней, и получается нераздельное соединение силы Божьей и действия человеческого, причем последнее является как бы носителем для силы Божьей [1, с. 147 – 148]. Рассматривать имена Божьи как чисто человеческое создание, как клички, изобретаемые человеком, по мнению С.Н. Булгакова, это не понимать

природу имени. Имяборцы все время путаются между пониманием имени Бога как условных букв и звуков и благоговейным отношением к нему в силу его святости. При этом, отмечает философ, они не делают даже попыток для выяснения мотивов этой святости [1, с. 148].

Вопрос об именах Божьих и смысле их почитания С.Н. Булгаков связывает с проблемой иконы с изображением Бога. При этом основанием для разрешения последней он считает природу имени Божьего: имя имеет божественную энергию и онтологическую основу в образе и подобии Божьем в человеке. Икона двуедина, богочеловечна, она не может отождествляться с изображаемым, но не может быть и отделена от него. Иконность в иконе, ее божественная энергия наиболее бесспорно проявляется не в изображении, не в портретном сходстве (что и невозможно для Бога-Отца и Бога Духа), а в ее надписании, имени как средоточии воплощения слова. «Без иконы, – пишет С.Н. Булгаков, – есть разросшееся имя, которое облекается не только в звуки слова, но и в разные вспомогательные средства – краски, формы, образы: изображение в иконе есть иероглиф имени, который поэтому и должен быть определенно стилизован по подлиннику, и он получает значение иероглифической азбуки священных имен» [1, с. 148].

Без имени, вне надписания, вне иероглифичности икона была бы совершенно невозможна, утверждает философ, подкрепляя свою мысль постановлением VII Вселенского собора: «икона подобна первообразу не по существу, а только по названию и по положению изображенных членов». Икону делает иконой не живописное качество рисунка или портретное сходство, но наименование, которое делается в виде надписи. Имя есть та сущность, та энергия, которая распространяется и на икону. И таким образом, заключает С.Н. Булгаков, «если имя Божие есть в известном смысле словесная икона Божества, то и наоборот, настоящая икона Божества есть Его Имя» [1, с. 149 – 150].

Таким образом, важнейшей составной частью философии имени С.Н. Булгакова является понимание им слова, имени как энергетической сущности, имеющей космический статус. Имя (язык, слово) рассматривается им в макси-

мально широком контексте – Бог, человек, мир – как необходимый элемент теoантропокосмической реальности, что во многом предвосхитило идеи современной научной мысли. Особое место в философии имени С.Н. Булгакова занимает статус имени Бога, который он решает в традициях православной религиозно-философской мысли.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. Философия имени. Икона и иконопочитание // Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. – С. 13 – 240.
2. Гируцкий, А.А. Наука и религия / А.А. Гируцкий, Р.М. Новрузов. Наука и религия: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 416 с.
3. Лосев, А.Ф. Бытие – имя – космос / А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1993. – 958 с.
4. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. М.: Купина, 1993. – 319 с.